

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1 (47+57) (091)

ГОСУДАРСТВО КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Н.Н. Козлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

Автор анализирует философское осмысление российскими консерваторами первой половины XIX в. государства как политического института, исследует аргументы мыслителей в пользу тех или иных форм государства. Подчеркивается, что в трудах российских консерваторов прослеживается тенденция сочетания критики государственных структур с апологетикой самодержавной власти, просвещенного абсолютизма. Основными заслугами самодержавия мыслители полагали обеспечение единства и целостности государства.

Ключевые слова: государство, республика, монархия, самодержавие, консерватизм, просвещенный абсолютизм.

Исследовательский интерес философов консервативного направления к государству как политическому институту, его формам и функциям был стимулирован в начале XIX в. социально-политическими трансформациями в Западной Европе и реформами Александра I. В своих трудах консерваторы анализировали республиканские модели Европы, США, но основной акцент делали на отечественной форме государства – самодержавии. Согласимся с мнением тех учёных, которые полагают, что данная форма государства являлась средоточием теоретических компромиссов практически всех российских консерваторов [26].

Первым в отечественном консерватизме мыслителем, столь выпукло очертившем значительную роль государства в русской истории, являлся Н.М. Карамзин. В.Э. Вацура и М.И. Гиллельсон находят, что монархизм Карамзина был явлением сложным [5, с. 45]. Об этом свидетельствует тот факт, что часть исследователей полагают, что мыслитель выражал концепцию просвещенного абсолютизма, был апологетом самодержавия, а либерализм его взглядов можно считать поверхностным; другая же часть учёных придерживается мнения, что Карамзин разделял теорию общественного договора и естественного права, ненавидел деспотизм самодержавия, попирающий свободу личности [3, с. 35; 27, с. 417; 25, с. 23; 23, с. 15; 14, с. 66; 15, с. 192; 24, с. 63].

Карамзин выделял три формы государства – монархию, тиранию, республику. В «Письмах русского путешественника» он соглашался с учением Монтескье о соответствии размера государств форме правления. Посещая Швейцарию, Карамзин признал жизнеспособность рес-

публиканских форм, но объяснял их высоким уровнем культуры местного населения. Мыслитель также затрагивал устройство американских штатов и французской республики. В последнем случае политические взгляды Карамзина в основном были сосредоточены на величии монархии и ничтожности революции, разрушающей социальный порядок. Мыслитель пренебрежительно высказывался о ходе и содержании заседаний Национального собрания Франции, показывая как новые политики из народа превращают благородное и сложное государственное искусство в фарс. В парламенте Карамзина как дворянина поразили неопрятность в одежде депутатов, часто выкрикиваемые непристойности, хохот в зале и в целом отсутствие торжественности в заседаниях. Ухудшение политики Карамзин связывает с расширением количества политических акторов и с их низким социальным происхождением [13, с. 504]. Карамзин, безусловно, осудил французскую революцию, считая её трагедией, ужасной политической переменой, а революционеров, которые посмели поднять «секиру на священное дерево» монархии, назвал «новыми республиканцами с порочными сердцами» [там же, с. 383]. Практически в таком же саркастическом духе Карамзин высказывался об английском политическом устройстве, являвшемся следствием английской революции: «Английская история богата злодействами; можно смело сказать, что по числу жителей в Англии более, нежели во всех других землях, погибло людей от внутренних мятежей. Здесь католики умерщвляли реформаторов, реформаторы – католиков, роялисты – республиканцев, республиканцы – роялистов; здесь была не одна французская революция» [там же, с. 545]. Он высмеивает порядок выбора депутатов английского парламента и осуждает их фривольно-фамильярное отношение к английскому королю [там же, с. 557–560]. В противовес ничтожности республиканских институтов Карамзин описывал величие французской монархии: «Вчера в придворной церкви видел я короля и королеву. Спокойствие, кротость и добродушие изображаются на лице первого... Королева, несмотря на все удары рока, прекрасна и величественна... Французская монархия производила великих государей, великих министров, великих людей в разных родах; под ее мирною сению возрастали науки и художества, жизнь общественная украшалась цветами приятностей, бедный находил себе хлеб, богатый наслаждался своим избытком» [там же, с. 380–381]. Таким образом, Карамзин уже в ранний период творчества признавал превосходство монархических форм правления перед республиканскими. С его точки зрения, государственная власть должна быть оформлена и отделена от общества символически и эстетически, чтобы демонстрировать своё величие.

В «Записке о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях» (далее – «Записка») Карамзин развил свои взгляды относительно монархии на примере российской истории. «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась

мудрым самодержавием, – так обосновал мыслитель значимость самодержавия для российской цивилизации. – Отечество под сенью самодержавия успокоилось, извергнув чужеземных хищников из недр своих, возвеличилось приобретениями и вновь образовалось в гражданском порядке» [12, с. 30]. Основная задача самодержавия, по Карамзину, – сохранение целостности России, поскольку в стране, составленной «из частей столь многих и разных», только неограниченное единовластие «может в сей махине производить единство действия» [там же, с. 48].

Сущность самодержавной формы Карамзин видит в том, что никто, «кроме государя, не мог ни судить, ни жаловать: всякая власть была изливанием монаршей»: «Царь сделался для всех россиян земным Богом» [там же, с. 24]. Поэтому Карамзин убеждает Александра, что монарх может делать всё, но не может законно ограничить свою власть [там же, с. 48–49]. Указывая на неограниченные права самодержавного монарха в отношении своих подданных, мыслитель задумывался о том, «можно ли и какими способами ограничить самовластие в России, не ослабив спасительной царской власти?» [там же]. Карамзин нашёл единственный способ обуздания злоупотребления власти – царствовать добродетельно, приучать подданных к благу: «Тогда родятся обычаи спасительные; правила, мысли народные, которые лучше всех бранных форм удержат будущих государей в пределах законной власти...» [там же]. В конце «Записки» Карамзин ещё раз подчёркнул, что «самодержавие есть палладиум России; целость его необходима для ее счастья» [там же, с. 105].

По мнению Н.В. Минаевой, Карамзин выработал чисто русскую модель легитимизма, суть которой заключается в том, что Карамзин ссылается на доказательства правомерности династии Романовых на русском престоле, смешивая два противоречащих друг другу принципа: с одной стороны, монарх – помазанник Божий на земле (принцип патриархальный), с другой стороны, власть монарха основывается на законе как авторитете (принцип буржуазный) [21, с. 92]. Н.В. Минаева указывает, что мыслителю удалось соединить в единое целое патримониальную идею, основанную на покорности Богу, царю и помещику с некоторыми понятиями просветительской идеологии [20, с. 151]. В.А. Китаев видит в монархических идеях Карамзина не столько неограниченность, сколько неделимость власти через самодержавие [16, с. 14].

Итак, в «Записке» Карамзин продемонстрировал значимость самодержавия с функциональной точки зрения – самодержавию «Россия была обязана спасением и величием» [12, с. 27]. Тезис о неограниченности власти как атрибута самодержавия, необходимого для сохранения целостности страны, для защиты от внешних и внутренних врагов, будет развит и дополнен в трудах других российских консерваторов.

В работах А.С. Шишкова вопрос о формах государства был поднят в ходе его трёхлетнего плавания по Средиземному морю, когда он посетил Италию, Грецию и Турцию и составил общее впечатление о на-

селяющих их народах [2, с. 23]. Будущий адмирал отмечал высокий уровень бытовой культуры европейских народов и, как утверждает В.С. Парсамов, на примере итальянской истории даже был готов признать преимущества республиканского правления перед монархией и аристократией, показывая связь богатства, свободы и республики [22, с. 8–9]. Однако осуждение европейцев за осквернение церковей и утрату религиозного духа [28, с. 247] не позволило Шишкову отказаться от монархических идей в пользу республиканских. «Самодержавию... он был предан вполне всею душою и видел в нем единственный якорь спасения», – пишет Н.Н. Булич [4, с. 14–15].

В теории «официальной народности» С.С. Уварова, вошедшего в историю как символ николаевской реакции [11; 30], самодержавие занимает центральное место. М.И. Дегтярёва связывает обращение к монархии как ведущей политической ценности в триаде Уварова с потребностью защиты её как политического феномена [9, с. 110–112]. Так же как и Карамзин, Уваров придерживался мнения, что в отличие от западного российское государство может иметь только одну форму – самодержавие. Рассуждая о новом блеске благополучного царствования «возлюбленного монарха и новой прочности существующего порядка», Уваров показывает, что в «краеугольном начале оно для нас, для русских, источник всех тех умственных сил, служащих не разрушению, не к беспорядку, не к вольнодумству политическому и религиозному, а созиданию и утверждению отечественного блага на *незыблемом подножии самодержавия твердого, просвещенного, человеколюбивого* (выделено мной. – Н.К.)» [29, с. 313].

Отвергая парламентаризм, партийность и прочие элементы либеральной политической модернизации, Уваров рассматривает монархов как «орудия Высочайшей воли, единственно пекущейся о благе общем» [там же, с. 312]. Особую роль Уваров отводит монарху в деле просвещения [31–34]. Таким образом, мыслитель показал, что любое изменение форм российского государства ведёт к его разрушению, и потому оно не способно идти по пути институциональной модернизации.

В работах П.А. Вяземского отчётливо прослеживается тенденция сочетания критики государственных структур с апологетикой самодержавной власти. Н. Кутанов считает, что «нападки на правительство и вылазки против власти» Вяземского можно собрать в целую онтологию [18, с. 235]. В письмах к друзьям из Варшавы Вяземский писал о кошмаре крепостничества, о невыносимости политического бесправия, о гнусности придворного лакейства. Мыслитель называл представителей власти, судей, членов правительства «наемной сволочью», «образованной и упитанной гнилью», «уродливым наростом на теле России» [6, с. 405]. В середине 1820-х гг. он разрабатывал тему «свободы», ссылаясь на опыт Западной Европы: «В обществе, где я не имею законного участия по праву того, что я член оногo общества, я связан. Читая газе-

ты, видя, что во Франции, в Англии человек пользуется полною бытия своего нравственного и умственного, видя там, что каждая мысль, каждое чувство имеют свой исток и применяются к общей пользе, я не могу смотреть на себя иначе, как на затворника в (остроге) тюрьме, которому оставили употребление одних неотъемлемых способностей и то с ограничениями» [там же, с. 394]. Раскрывая причины выступлений декабристов, мыслитель полагал, что сама власть создала «мнимую Россию», в которой народы утомлены недействительностью своих желаний, а потому «прибегают в отчаянии к посредству молитв вооруженных» [там же, с. 406]. Вяземский призывал в своих произведениях к демократизации суда: «Призовите присяжных из всех состояний общества, из всех концов государства и спросите у них: не преступны ли те, которые посягали на перемену вашего положения?» [там же, с. 405].

Вяземский высказывался в пользу конституционализма и представительных органов [там же, с. 383, 390–391], что породило оценку исследователями его позиции как свободомыслящей [17, с. 104], вольтерьянской [7, с. 69; 8, с. 9; 10, с. 27]. Однако, анализируя творчество Вяземского, согласимся с мнением П.В. Акульшина, что не следует преувеличивать радикальность взглядов Вяземского, так как под конституцией он понимал не ограничение монархической власти, а юридическое упорядочивание отдельных элементов государственного управления [1, с. 14–15]. С позиций классового подхода С.С. Ланда так объяснял его социально-политическую позицию: «Вяземский видел в конституционной монархии универсальное средство разрешения всех социальных и политических проблем, орган классового мира, освобождения государства от угрозы революционных потрясений. Необходимость в принятии конституций представлялась ему тем очевиднее, что любое промедление в этом вопросе усиливало недовольство народных масс, которое легко могло перерасти в открытый мятеж» [19, с. 212].

Основные проблемы социально-политического развития России, по мнению Вяземского, заключаются в отсутствии связи народа с властью. П.В. Акульшин выделяет в воззрениях Вяземского два вида власти: народная, при которой между правителем и народом существует единство выгод и воли, и тирания, при которой разные выгоды и воли противоположны друг другу. Вяземский стремился осуществить в России первый тип власти, считая обязанностью государства обеспечение имущества, жизни и свободы каждого члена [1, с. 15]. «Правительство способно к авантюрам, оно нетерпеливо, непостоянно, оно – новатор и разрушитель. Либо оно погружено в апатический сон и ничего не предпринимает, что бы отвечало потребностям и желаниям момента, либо оно пробуждается внезапно, как бы от мушиного укуса, разбирает по своему произволу один из жгучих вопросов...», – писал мыслитель [6, с. 415]. Поэтому он считал российское правительство революционной силой, а нацию – консервативной силой, которая выправляет произведенные правительством

плохие мероприятия и беспорядки без протеста, не признавая их. «Правительство запрашивает страну, она не отзывается, на вопрос нет ответа», – читаем в «Записных книжках» [там же, с. 416–417].

Вяземский видел этимологию слова «самодержавие» в том, что «все само собою держится: при действии одних людей все рушилось бы давным давно» [там же]. Однако личности императоров были выведены мыслителем из поля критики. В произведении «По поводу записок графа Зенфта» Вяземский оправдывал Александра I, который хотел быть преобразователем, но внешние обстоятельства (завоевательное и ненасытное властолюбие Наполеона, конгрессы) не позволили ему продолжить начатые реформы. «Все это отвлекало Государя от домашнего очага и домашнего хозяйства», – писал Вяземский [там же, с. 355].

Подводя итог воззрениям Вяземского на государство, следует отметить, что предложенные им проекты должны были обеспечить более полную связь между монархом и народом. Монархический принцип, гарантирующий сохранение общественно-политической стабильности внутри России, под сомнение Вяземским не ставился.

Итак, проанализировав отношение российских консерваторов к государству, необходимо отметить следующее. Признавая вариативность форм государства, мыслители утверждали, что они формируются исторически. В соответствии с данным тезисом консерваторы признавали единственной формой российского государства самодержавие. Начиная с трудов Н.М. Карамзина обоснование исторической роли самодержавия встречается в работах практически всех российских консерваторов. Основными заслугами самодержавия мыслители полагали обеспечение единства и целостности государства, продвижение России по истинному пути. Критика конкретных проявлений государственной политики, иногда отдельных монархов, не изменяла того факта, что институт самодержавия консерваторами под сомнение не ставился. Таким образом, сущность и форма российского государства сливались в концепциях мыслителей в единое целое и не подлежали изменению.

Список литературы

1. Акульшин П.В. Петр Андреевич Вяземский // Вяземский П.А. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 5–36.
2. Альтшуллер М.Г. Александр Семенович Шишков // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж: ВГУ, 2005. С. 19–92.
3. Берков П., Макогоненко Г. Жизнь и творчество Н.М. Карамзина // Карамзин Н.М. Избранные сочинения: в 2 т. М.;Л.: Худ. лит., 1964. Т. 1. С. 5–78.

4. Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1905. Т. 1. 381 с.
5. Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь умственные плотины: очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М.: Книга, 1986. 381 с.
6. Вяземский П.А. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 496 с.
7. Гиллельсон М.И. Вяземский П.А.: Жизнь и творчество. Л.: Наука, 1969. 391 с.
8. Гинсбург Л.Я. Вступительная статья // Вяземский П.А. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 5–51.
9. Дегтярёва М.И. «Лучше быть якобинцем, чем фейяном»: Жозеф де Местр и Сергей Семёнович Уваров // Вопросы философии. 2006. № 7. С. 105–112.
10. Ивинский Д.П. П.А. Вяземский и его записные книжки // Вяземский П.А. Записные книжки. М.: Русская книга, 1992. С. 5–30.
11. Исамбаева Л.М. Общественно-политические взгляды С.С. Уварова в 1810-е годы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. 1990. № 6. С. 24–35.
12. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении. М.: Наука, 1990. 111 с.
13. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Избранные произведения: в 2 т. М.;Л.: Худ. лит., 1964. Т. 2. С. 79–604.
14. Кислягина Л.Г. Формирование общественно-политических взглядов Н.М. Карамзина (1785–1803 гг.) / под ред. проф. И.А. Федосова. М.: МГУ, 1976. 197 с.
15. Китаев В.А. Николай Михайлович Карамзин // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж: ВГУ, 2005. С. 171–193.
16. Китаев В.А. Пути русской мысли: науч. тр. Нижний Новгород: НГУ, 2008. 355 с.
17. Кульман Н.К. Из истории общественного движения в России в царствование императора Александра I / Изв. ОРЯС. 1908. Т. 13, кн. 1. С. 99–147.
18. Кутанов Н. Декабрист без декабря // Декабристы и их время: тр. моск. и ленинград. секций по изучению декабристов и их времени. Т. 2. М.: Изд-во Всесоюз. общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. С. 201–291.

19. Ланда С.С. Дух революционных преобразований: Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816–1825. М.: Мысль, 1975. 381 с.
20. Минаева Н.В. Европейский легитимизм и эволюция политических представлений Н.М. Карамзина // История СССР. 1982. № 5. С.150–159.
21. Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов: СарГУ, 1982. 290 с.
22. Парсамов В.С. Александр Семёнович Шишков // Шишков А.С. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 5–68.
23. Пирожкова Т.Ф. Н.М. Карамзин – издатель «Московского журнала» (1791–1792 гг.): лекции. М.: Изд-во МГУ, 1978. 55 с.
24. Познанский В.В. Очерк формирования русской национальной культуры. М.: Мысль, 1975. 223 с.
25. Покровский В.С. История русской политической мысли: конспект лекций. М.: Госюриздат, 1952. Вып. 3. 75 с.
26. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В.Я. Гросул. М.: Прогресс-традиция, 2000. 440 с.
27. Сахаров А.Н. Уроки «бессмертного историографа» // Карамзин Н.М. История государства российского: в 12 т. / под ред. А.Н. Сахарова. М.: Наука, 1989. Т. 1. С. 415–459.
28. Стоюнин В. Александр Семенович Шишков // Вестн. Европы. СПб., 1877. Т. 5 (67), кн. 9. С. 236–270.
29. Уваров С.С. Избранные труды / сост., авторы вступ. ст. и коммент. В.С. Парсамов, С.В. Удалов. М.: РОССПЭН, 2010. 720 с.
30. Фролов Э.Д. Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм // Петербургская академия наук в истории академий мира: к 275-летию Академии наук: материалы междунар. конф. СПб.: СПб. науч. центр РАН, 1999. Т. 2. С. 275–285.
31. Хартанович М.Ф. Николай I и граф С.С. Уваров – реформаторы академии наук // Вестн. РАН. 1995. Т. 65, № 12. С. 1117–1125.
32. Хотеев В., Чернета В. Граф С.С. Уваров – министр и просветитель // Высшее образование в России. 1996. № 2. С. 147–160.
33. Хотеев В., Чернета В. Граф С.С. Уваров – министр и просветитель // Высшее образование в России. 1996. № 1. С. 146–158.

34. Шевченко М.М. Уваров С.С. // Консерватизм середины XIX – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010. С. 529–534.

**THE STATE AS A POLITICAL INSTITUTION IN THE RUSSIAN
CONSERVATISM PHILOSOPHY OF THE FIRST THIRD OF
THE XIX-TH CENTURY**

N.N. Kozlova

Tver State University, Tver

The author examines the Russian conservatives' of the first half of the XIX-th century philosophical understanding of the state as a political institution analyzing the arguments of the representatives of this trend of thought in favor of various state forms. The emphasis is put on the conclusion that in the works of Russian conservatives one can trace a tendency of combining criticism of government structures with the apology of autocratic power, enlightened absolutism. The main merit of the autocracy, these thinkers believed, consists in ensuring the unity and integrity of the state.

Keywords: *state, republic, monarchy, autocracy, conservatism, enlightened absolutism.*

Об авторе:

КОЗЛОВА Наталия Николаевна – доктор политических наук, профессор кафедры политологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет». E-mail: n_s@pochta.ru

Author information:

KOZLOVA Natalya Nikolaevna – Ph.D.(Political Science), Prof. of the Political Science Dept., Tver State University, Tver. E-mail: n_s@pochta.ru